

© 2011 г.

Михаил Шерстнев

кандидат экономических наук, доцент

(Институт теоретической экономики и международных экономических отношений Самарского государственного экономического университета)

(e-mail: sherstnev@sseu.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ВЛИЯНИЕ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Статья содержит анализ текущих дискуссий в мире о состоянии экономической науки, особое внимание обращается на взаимосвязь экономических теорий с реальными мерами экономической политики в ходе глобального экономического кризиса. Глобальный экономический кризис четко выявил ограниченность возможности господствующих экономических идей служить решению насущных экономических проблем.

Ключевые слова: экономическая наука, экономический кризис, экономическая политика.

Мировой кризис привел к повышению градуса дискуссий в мировой экономической науке по различным вопросам взаимосвязи экономической теории и экономической политики. При этом сама экономическая теория оказалась объектом ожесточенной критики со стороны общественного мнения и творцов экономической политики, прежде всего в плане адекватности ее представлений об экономической реальности и вытекающих из этих представлений практических рекомендаций для экономической политики.

Мировой кризис и экономическая теория. Кризисные процессы периодически сотрясают капиталистическую рыночную экономику на протяжении всей ее истории с начала XIX столетия. При этом социум ожидает от экономической науки четкого разъяснения природы кризисных процессов и практических предложений по противодействию им и смягчению их последствий.

Разумеется, кризисные явления постоянно привлекали внимание экономистов. Радикальные критики капиталистического общества, начиная с К. Маркса и кончая современными радикальными экономистами, видят в кризисных процессах *формы проявления неразрешимых внутренних противоречий экономической системы капитализма*, которые в

принципе не могут быть окончательно разрешены в рамках этой системы. Господствующие же течения в мировой экономической науке уделяют первоочередное внимание анализу *совокупности конкретных экономических механизмов, формирующих экономический цикл в капиталистической рыночной экономике*, и рассматривают экономический кризис (экономическую рецессию) как одну из закономерных фаз циклического процесса. Однако понимание природы этой фазы и соответственно вытекающие из такого понимания рекомендации по общественным действиям (говоря конкретнее, по применению инструментов макроэкономической политики и выбору правильного сочетания таких инструментов) у различных течений экономической мысли существенно различаются.

Развитие мировой экономической мысли после неоклассической революции в последней трети XIX столетия сфокусировалось на исследовании функционирования (сначала в статике и сравнительной статике, затем в равновесной динамике) развитого рыночного хозяйства. При этом в центре внимания находилась разработка теоретических моделей конкретных экономических механизмов (прежде всего ценового механизма) распределения ограниченных ресурсов в хозяйственной системе для удовлетворения конечных личных и общественных потребностей, исходя из того, что общество функционирует в условиях идеализированного совершенного рыночного хозяйства.

Теоретики последовательно выстроили модели поведения хозяйственных агентов на микроуровне (фирм и домашних хозяйств). В качестве важного инструмента исследований выступали различные виды моделей, предполагающих возможность оптимизации некой целевой функции (например, достичь наибольшей полезности для потребителя на заданном множестве потребительских предпочтений или наибольшей прибыли для фирмы на заданном технологическом множестве) при различных ограничениях (например, цены товаров и доход потребителя или цены и общие объемы ресурсов для фирмы).

Однако модели частичного равновесия ничего не говорят нам об общих свойствах хозяйственной системы. Ведь из того, что отдельный хозяйственный агент может достичь равновесного состояния и оптимизировать свою целевую функцию, нельзя сделать никаких выводов относительно всего множества хозяйственных агентов в рыночной экономике. Возникает вопрос, каким образом знаменитая «невидимая рука рынка» А. Смита уравнивает спрос и предложение на всех рынках в экономике?

Ответ на этот вопрос искали в процессе становления и развития теории общего экономического равновесия, начиная с работ Л. Вальраса в последней трети XIX века и кончая работами К. Эрроу и Ж. Дебрэ в середине XX века. В рамках указанной теории было показано, что действие ценового механизма *при определенных условиях позволяет выявить векторы движения цен товаров и объемов их выпуска, которые уравнивают спрос и предложение на всех рынках*. Более того, было дано и формальное обоснование некоторых примечательных свойств такого равновесного состояния в виде двух теорем благосостояния, которые установили связь между конкурентным равновесием в рыночной экономике и Парето-оптимальностью.

Именно этот набор идей, сложившийся в полной мере в середине XX столетия, и лег в основу совокупности научных представлений о возможностях и границах ценового механизма в рыночной экономике. Эти идеи в упрощенной форме, а иногда и в вульгаризированном виде внедряются в массовое общественное сознание через различные каналы влияния на него. Однако, говоря о выводах экономической науки относительно свойств рыночной системы, чаще всего не упоминают, что эти выводы получены *не вообще*, а именно *при определенных условиях*.¹

Формальные предпосылки теории общего экономического равновесия (иногда их объединяют собирательным понятием «условия совершенной конкуренции») достаточно хорошо проработаны и известны экономистам, но есть и многочисленные критические замечания по ним со стороны представителей самых различных направлений экономической мысли и других социальных дисциплин². Очевидно, что в рамках теории общего экономического равновесия полностью выпадали из поля зрения социальные и организационные условия деятельности экономических агентов (которые предполагались заданными, но нигде не фигурировали в явном виде). Рыночная экономика представлялась неким идеальным механизмом, который оптимально распределяет ресурсы для удовлетворения известного множества потребностей при известном множестве техно-

¹ В своей открытой лекции в Манчестерском университете летом 2006 г., на которой довелось присутствовать автору этих строк, нобелевский лауреат Дж. Стиглиц не без иронии заметил, что экономисты пытаются продать модель, которой нигде в мире в реальности не существует.

² См., например, Полтерович В.М. «Экономическое равновесие и хозяйственный механизм», М., 1990; Суровцев Л.К. «Математическая экономика», М., 2011; Kornai, J. "Anti-Equilibrium", North-Holland, 1971.

логий. При таком подходе многие важные аспекты реальности как бы не имеют значения и не подвергаются научному анализу. Например, в такой абстрактной модели не рассматривается, как конкретно организована хозяйственная деятельность экономических агентов на различных уровнях хозяйственной системы и как реально устанавливаются связи между ними; рыночная стоимость фирмы не зависит от структуры ее финансирования; не существует проблем поиска информации или структурирования контрактных отношений; невозможно объяснить многие явления научно-технического прогресса; и, наконец, здесь вообще нет места неравновесным статическим состояниям и неравновесной динамике.

Формирование теории общего экономического равновесия, направленной на раскрытие механизмов «невидимой руки рынка» и ее хороших с точки зрения общего блага свойств, еще не было завершено, когда произошли драматические потрясения мировой экономики в 1930-х годах. Для всего западного мира это событие осталось одним из величайших социальных бедствий XX века (а для США, видимо, даже много большим, чем Вторая мировая война) и достаточно прочно осело в социальной памяти на многие десятилетия. **Для выхода из депрессивной ситуации потребовались нестандартные политические решения, никак не связанные с господствовавшей экономической ортодоксией.** В последующем начался поиск новых интеллектуальных конструкций для системного понимания макроэкономической реальности в развитой рыночной экономике и выработки научных оснований для макроэкономической политики.

Дж. М. Кейнс в своей книге «Общая теория занятости, процента и денег» сформулировал в системном виде новый круг идей относительно макроэкономических процессов в рыночной экономике и возможных способов общественного воздействия на эти процессы во имя общего блага. В фокусе исследования оказалось формирование совокупного спроса в рыночной экономике с особым вниманием к инвестиционной компоненте, которая считалась связанной с *ожиданиями предпринимателей относительно будущих доходов*. В послевоенный период кейнсианская теория стала доминировать и послужила интеллектуальной основой макроэкономического регулирования в развитых странах Запада и разработки политики развития в странах «третьего мира».

Однако попытка инкорпорирования идей Кейнса в mainstream экономической науки оказалась неполной и противоречивой. «Кейнсианско-

неоклассический синтез», восходящий к статье Дж. Р. Хикса «Господин Кейнс и классики», в итоге свелся к трактовке депрессивной ситуации как особого равновесного случая с неполной занятостью, для выхода из которого возможно использование инструментов макроэкономической политики. В то же время в долгосрочном плане сохранялись все неоклассические представления о рыночной экономике, дополненные в 50-х годах XX века теорией равновесного экономического роста и эмпирическими исследованиями его факторов. Особое внимание было уделено поиску возможных механизмов автоматического выхода из экономического спада – прежде всего эффекту реальных кассовых остатков¹. Модели типа «мультипликатор-акселератор» позволили формально представить механизм колебаний уровня экономической активности в рамках взаимосвязей инвестиций и национального дохода. *Что же касается идей Дж. М. Кейнса относительно фактора неопределенности в экономике, формирования ожиданий в неопределенной ситуации и явлений неустойчивости, заложенных в самой природе капиталистической рыночной экономики, то они по большей части оказались за бортом ортодоксального варианта кейнсианско - неоклассического синтеза*².

Неконсервативная контрреволюция 70–80 гг. XX века привела к существенной перестройке в макроэкономической теории. Много было сделано для того, чтобы продлить влияние кейнсианства и вернуться к классическим постулатам экономической теории и на макроуровне. Новая классическая макроэкономика, которая заняла господствующее положение в мировой экономической науке и в программах по макроэкономике ведущих мировых университетов, ввела четкое описание микроэкономических основ макроэкономических процессов через оптимальные динамические модели экономического поведения репрезентативных хозяйственных агентов. Гипотеза рациональных ожиданий по существу воспроизвела представления о полной осведомленности хозяйственных агентов об экономической системе, хотя и на более сложном уровне с точки зрения описания процессов получения и переработки всей доступной информации. Наконец, теоретики вновь стали следовать идее рыночного

¹ См. Патinkin Д. Деньги, процент и цены. М. 2004.

² См., Pasinetti, L. "Keynes and the Cambridge Keynesians: A "Revolution in Economics" to be Accomplished", Cambridge University Press, 2007.

равновесия, которое обеспечивается механизмом гибких цен после любых реализующихся в экономике шоков¹.

На данной теоретической платформе были получены новые важные выводы относительно возможностей общественного воздействия на макроэкономические процессы. Во-первых, весь экономический цикл стал трактоваться как равновесный феномен, во всех фазах которого рыночная ситуация является результатом оптимальных решений хозяйственных агентов в рамках соответствующих динамических программ. Во-вторых, для хозяйственной системы с указанными свойствами теоретически была показана неэффективность применения инструментов макроэкономической политики для стабилизации макроэкономической ситуации в условиях, когда хозяйственные агенты оптимизируют свое поведение с учетом всей доступной информации (*теорема о неэффективности макроэкономической политики*).

Новая классическая макроэкономика отнюдь не отрицала роли общественного воздействия, но подвергла существенному пересмотру представления о его формах. Основное внимание было обращено на *структурные факторы* – накопление физического и человеческого капитала, поддержание условий конкуренции – и *институциональные факторы* – следование твердым правилам и нормам вместо дискреционного вмешательства в хозяйственные процессы.

Новый инструментарий стал по существу общепринятым в макроэкономике и начал использоваться представителями различных направлений, в том числе и неокейнсианского направления. Новая кейнсианская макроэкономика использовала существование рыночных несовершенств для обоснования целесообразности краткосрочного государственного регулирования экономических процессов.

В то же время для объективности следует отметить, что в последние десятилетия произошло расширение спектра идей, которые можно отнести к mainstream экономической теории. С одной стороны, хозяйственная практика развивающейся рыночной экономики требовала ответов на вопросы о том, что лежит в основе существования различных реально наблюдаемых организационных структур в рыночном хозяйстве, каковы общественные условия и организационные условия становления рыночной экономики, наконец, как различные организационные структуры

¹ См. Minford P. "Rational Expectations Macroeconomics: an Introductory Handbook", L., 1992.

взаимодействуют и эволюционируют в реальной хозяйственной деятельности. Иными словами, даже в рамках mainstream функция координации хозяйственных решений в рыночной экономике отнюдь не сводится к опоре на ценовой механизм.

Именно на исследовании вышеуказанных вопросов и сосредоточилась неоинституциональная экономическая теория¹. Реализованная к настоящему времени исследовательская программа неоинституционалистов в целом продемонстрировала свою продуктивность, прояснив многие важные аспекты социальных и организационных условий становления и функционирования эффективной рыночной экономики. Категории «институт», «институциональный процесс», «институциональные изменения» и сформулированные с их использованием теоретические положения прочно вошли в арсенал mainstream мировой экономической мысли и оказали влияние на различные исследовательские программы (включая проблемы воздействия институтов на экономический рост и экономическое развитие). Ряд теоретических положений получил солидное эмпирическое подтверждение.

С другой стороны, теоретики пошли по пути введения более реалистичных предпосылок в модели рынка, что позволило получать интересные результаты о свойствах рыночного процесса в условиях присутствия тех или иных рыночных несовершенств (например, наличия монопольной власти, феномена асимметричной информации между хозяйственными агентами, существования издержек поиска на рынке труда и т.д.). Соответствующие исследования рисуют значительно более сложную и противоречивую картину рыночных процессов по сравнению с первоначальными моделями общего экономического равновесия, причем эти процессы далеко не всегда обеспечивают Парето-оптимальные исходы. *В таких условиях исчезают возможности простого и однозначного теоретического обоснования рекомендаций по проблемам экономической политики*².

Экономическая теория и антикризисные меры. Наступление острой фазы экономического кризиса осенью 2008 г. быстро положило конец

¹ Классическими работами здесь являются труды нобелевских лауреатов Рональда Коуза, Дугласа Норта и Оливера Уильямсона. В качестве обобщения результатов последнего десятилетия можно указать: Acemoglu, D. "Introduction to Modern Economic Growth", Princeton University Press, 2008.

² Stability with Growth: «Macroeconomics, Liberalization and Development», Oxford University Press, 2006; «Time for a Visible Hand: Lessons from 2008 World Financial Crisis», Oxford University Press, 2010.

рассуждениям о том, что можно положиться на волю рыночной стихии, дать спокойно умереть инвестиционным банкам и т.д. Вместо этого **опять были предприняты нестандартные политические действия, вновь мало связанные с господствующей академической ортодоксией.** Новой принципиальной особенностью этих действий стала их международная координация в рамках G-20 в условиях новой взаимосвязанной глобальной экономики (причем данный поворот в США произошел еще при республиканской администрации Дж. Буша-младшего).

Правительства предприняли меры по поддержке совокупного спроса посредством инструментов фискальной политики, оказали разнообразную финансовую помощь крупнейшим компаниям, приняли дополнительные меры по социальной поддержке населения, центральные банки удовлетворяли посредством инструментов монетарной политики стремительно увеличивавшийся спрос хозяйственных агентов на деньги в условиях панического бегства к ликвидности. Особое внимание было уделено проблемам устойчивости финансового сектора в целом и поддержке системобразующих финансовых институтов. Следует отметить, что **на практике ни одно правительство в группе G-20 не решилось положиться на регулирующее действие рыночной стихии и предоставить исключительно ценовым механизмам преодолевать экономический спад и восстанавливать экономический рост.**

Подобное расхождение практических действий с mainstream экономической науки, которое наблюдается во второй раз в ситуации глубокого экономического кризиса, поставило вопрос о том, насколько академическая экономическая наука в рамках господствующих представлений равновесного анализа способна вообще выполнять свою практическую функцию.

В наиболее резкой форме основные критические замечания были сформулированы одним из крупнейших экономистов-международников нобелевским лауреатом Полом Кругманом. Он отметил, что сформировавшаяся новая макроэкономика не может: предсказывать наступление экономических спадов (они сведены к экзогенным шокам в динамических стохастических моделях общего равновесия); объяснять их экономическую природу; формулировать содержательные рекомендации по их преодолению (а ведь это равновесный феномен: где интересы всех экономических агентов так же сбалансированы, как в любой другой фазе экономического цикла!). Кругман назвал последние тридцать лет «темной

эпохой в макроэкономике», в течение которой были забыты ранее накопленные знания о депрессивной экономике¹.

Отдельным объектом критики стало неадекватное понимание роли финансового сектора в экономических процессах в рыночной экономике и особенностей его собственного функционирования². Финансовые потрясения всегда сопровождали циклический процесс, но в последнее десятилетие эти потрясения приобрели качественно иной масштаб. Они приобрели во многом автономный характер, стали оказывать значительное и быстрое воздействие на реальные процессы в экономике, стремительно распространяться между взаимосвязанными национальными хозяйствами в глобализирующейся мировой экономике.

Сторонники новой макроэкономической теории пока не могут дать убедительной аргументации в пользу своих идей, прибегая к ставшим уже стандартными аргументам. Так, они указывают, что теоретически в принципе невозможно предсказывать экономические шоки, поэтому такой возможности нет сейчас и не будет в обозримом будущем.³ Проблемы нестабильности в рыночной экономике (которые в кризисных условиях вряд ли возможно игнорировать) предлагается решать с помощью выбора стабильных регулирующих норм⁴. Например, нобелевский лауреат Эдмунд

¹ См.: Krugman, P. "How Did Economists Get It So Wrong?", The New York Times, September 6, 2009.

² См.: Woodford M. "Financial Intermediation and Macroeconomic Analysis", Journal of Economic Perspectives, Vol. 24, No. 4, Fall 2010, pp. 21-44; Adam, Ch., Vines, D. "Remaking Macroeconomic Policy after the Global Financial Crisis: a Balance-Sheet Approach", Oxford Review of Economic Policy, Vol. 25, No 4, 2009, pp. 507-552.

³ В частности, именно такую позицию сформулировал для широкой публики один из главных авторов новой классической макроэкономической теории нобелевский лауреат профессор Роберт Лукас (The Economist, August 8th - 14th 2009). Не может существовать формулы, по которой можно было бы вычислить, что акции упадут через неделю, ибо, если бы такая формула существовала, и по ней проводились бы вычисления, то, как только такая информация стала бы общедоступной, падение курсов акций произошло бы немедленно. Такая позиция обоснована в мире рациональных агентов и совершенной информации, но недоумение вызывает категоричность позиции «нет сейчас, и не будет когда-либо в обозримом будущем». Разве при научном поиске не следует придерживаться правила «никогда не говори «никогда»»? Заметим мимоходом, что такие попытки уже предпринимаются с использованием математического аппарата теории катастроф. А вот какую практическую функцию может выполнять экономическая теория в том виде, в каком ее представляют теоретики новой классики, остается не совсем понятным.

⁴ Вообще, проблема нестабильности рыночной экономики является очень чувствительным местом для всего неоклассического направления. Теоретики данного направления предпринимают попытки поиска причин нестабильности в дефектах государственного экономического регулирования и государственной экономической политики, «излише-

Фелпс считает, что правильное государственное регулирование в состоянии снизить издержки нестабильности, в том числе, связанной с явлениями финансовой нестабильности (остается лишь сформулировать нормы такого правильного регулирования!)¹. Наконец, рецессию (во всяком случае, в экономике США) при эмпирическом анализе пытаются связать с негативным шоком от динамики предложения на рынке труда².

Новые макроэкономические идеи для экономической политики.

Развитие науки предполагает конструктивную критику существующих представлений, которая стимулирует появление новых идей. Участники дискуссий в период нынешнего экономического кризиса обращаются к идеям, которые были сформулированы ранее, но в значительной степени остались за рамками mainstream, хотя и имеют определенные перспективы дальнейшей разработки. Каковы же идеи, которые могут послужить новыми блоками в развитии макроэкономической теории?³

Мировая экономическая мысль вновь обращается к теоретическому наследию Дж. М. Кейнса, и в первую очередь, к тем идеям, которые связаны с факторами неопределенности в экономических процессах. Экономическая среда характеризуется большим разнообразием информационных несовершенств, хозяйственные агенты не обладают и не могут обладать полным знанием об окружающем мире. Они должны строить свои

ствах» финансового сектора, но никак не в несовершенствах ценового механизма координации хозяйственной деятельности, проблемах воспроизводства в реальном секторе экономики.

¹ См.: Phelps, E. «Refounding Capitalism», *Capitalism and Society*, Vol. 4, Issue 3, 2009, Article 2.

² См.: Ohanian, L. «The Economic Crisis from a Neoclassical Perspective», *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 24, No 4, Fall 2010, pp. 45-66.

³ Правда, само существование макроэкономики как науки не является общепризнанным в мировой экономической мысли. Так, представители неоавстрийской школы политической экономии (Л. Мизес, Ф.-А. Хайек) отрицали существование каких-либо устойчивых закономерностей на уровне всей хозяйственной системы, которые могли бы быть подвергнуты строгому научному анализу. Теоретики данного направления отрицают применимость математики и статистики в экономических исследованиях, поскольку в развивающихся хозяйственных системах отсутствуют постоянные величины (аналоги физических констант) и однородные в каком-либо отношении совокупности (надо сказать, что мировая экономическая наука обошла данные методологические аргументы без их серьезного критического анализа и формулировки ясных контраргументов). Ученые данной школы ставят в фокус исследования индивидуальные решения автономных индивидов, которые выбирают наилучшие средства для достижения своих целей в условиях децентрализованных хозяйственных процессов. Данная позиция артикулируется в кризисных ситуациях, но не разделяется большинством экономистов.

планы и принимать решения на основе своих ожиданий в неопределенной ситуации. Проблема стабилизации ожиданий оказывается тесно связанной со стабилизацией экономических процессов в рыночной экономике. Но исследование ожиданий, процессов их формирования требует исследования ограниченной рациональности и психологических факторов в поведении хозяйственных агентов, глубокого учета указанных аспектов при анализе реального экономического поведения. Этот путь пытаются использовать для содержательного объяснения феномена «пузырей» на товарных и финансовых рынках и их последствий для макроэкономических процессов¹.

Особое внимание привлекает вопрос о стабильности финансового сектора и источниках нарушения такой стабильности (гипотеза финансовой нестабильности Х. Мински). Экономисты и творцы экономической политики пытаются сформулировать такие правила регулирования, которые позволили бы гарантировать устойчивость финансового сектора вообще и банковской системы в особенности с учетом закономерностей рыночной экономики.

Другой круг идей связан с тем фактом, что развитая рыночная экономика по самой своей природе является динамической, неравновесной, развивающейся системой. В ней постоянно возникают новые связи, отношения, формальные и неформальные правила, появляются новые товары и услуги, преобразуются старые и возникают новые технологические процессы, формируются новые организационные структуры. Понятно, что в любой момент хозяйственные агенты не могут иметь не только всю информацию о текущих событиях в хозяйственной системе, но и в принципе не могут обладать теми научными, техническими и социальными знаниями, которые появятся в будущем. Попытка понять процессы экономического развития возвращает экономистов к идеям Й.-А. Шумпетера, которые были сформулированы еще в первой трети XX века. Эти идеи служат отправной точкой для развития эволюционной макроэкономики и соответствующего формального моделирования макроэкономических процессов².

Наконец, важным самостоятельным аспектом функционирования и развития хозяйственной системы является *процесс формирования связей*

¹ См.: Акерлоф Дж., Шиллер Р. «Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма», М., 2011.

² Нельсон Р., Уинтер С. «Эволюционная теория экономических изменений», М., 2002.

между хозяйственными агентами и характер самих этих связей. Экономика может быть представлена как сеть участников, которые устанавливают связи и взаимодействуют посредством рыночного обмена (экономическая теория сетей), причем данная сеть может формироваться различными способами и предопределять различные последствия на макроэкономическом уровне. Именно этот аспект выдвигается на первый план в получившем широкий резонанс «Кильском манифесте», который призывает к пересмотру не только теоретических представлений о рыночных процессах, но и к использованию раздельных математических методов в макроэкономических исследованиях¹.

Данные идеи пока не сформировались в сколько-нибудь целостные концепции, но они привлекают внимание исследователей с точки зрения перспективы. Становится понятно, что механистическая картина рыночной экономики, которая вытекает из теории общего экономического равновесия и современных динамических моделей общего макроэкономического равновесия, вряд ли может служить для концептуального обоснования разумной экономической политики. В целом можно сказать, что макроэкономика по-прежнему представляет собой большое поле теоретических и методологических дебатов, причем кризис заметно повысил их остроту по сравнению с предшествующими двадцатью годами.

При этом современное состояние макроэкономической теории не позволяет давать каких-либо однозначных рекомендаций для макроэкономической политики без учета конкретных экономических условий. Не может быть и *универсальной* экономической политики. Любой отдельный механизм координации и управления имеет как сильные, так и слабые стороны, подвержен многочисленным несовершенствам. Любая попытка выработать некий фиксированный набор рецептов (как, например, сформулированный на рубеже 80-90 гг. перечень рекомендаций «Вашингтонского консенсуса») будет оказываться *в общем случае* практически непродуктивной. Не очень ясной представляется и перспектива нахождения неких недискредитационных правил государственного регулирования, которые будут в *развивающейся социально-экономической системе* противодействовать явлениям нестабильности.

¹ Colander, D., Follmer, H., Haas, A., Goldberg, M., Juselius, K., Kirman, A., Lux, T., Sloth, B. «The Financial Crisis and the Systemic Failure of Academic Economics», Kiel Working Paper No 1489, February 2009.